

Наталья Желтова

В поисках потерянных птиц

Почему публика с таким постоянством ходит на одни и те же спектакли, одни и те же концерты? Что пытается найти в знакомой песне, в знакомом жесте? Конечно, спектакль – живой организм, сегодня он не будет таким, каким был неделю назад. Да и люди, сидящие в зале, уже не те, какими были вчера. Что они потеряли, зачем вернулись на концерт Алены Резник?

Программа «Потерянные птицы», посвященная поэтам серебряного века, не новая в репертуаре актрисы и певицы Алены Резник. Но зал Дома Высоцкого не остается пустым. Те, кто уже здесь побывал, приводят друзей и знакомых. После первой песни слышится восторженный шепот: «Потрясающе!». Да, мы любим серебряный век – его изящный абрис, томный аромат, вкус перезрелых ягод. «В шумном платье м-муаровом...», – поет Алена, удваивая согласные, романс на стихи Игоря Северянина. Марина Цветаева, Вера Инбер, Сергей Есенин, Осип Мандельштам, Константин Бальмонт... Каждый романс становится длинной историей и коротким мюзикшпектаклем.

Ее песни хорошо слушать ночью. Одну-две, не больше. Тогда – холодок в душе, и очарование, и «вздыхнуть о...». А здесь рядом с тобой сидят незнакомые люди, слушают все вместе, вздыхают неведомо о чем, смотрят на сцену... Это вообще феномен публики, составляющей единое целое и дробящейся на отдельных зрителей. Полумрак вечера не заменит ночи и одиночества. Одиночество – там, между черных кулис. Натянутый, как струна, силуэт Алены надвое разрезает белый фон, звенит, трепещет, вот-вот порвется. Но ломкость обманчива: струна стальная, она способна выдержать напряжение жизни. Может, именно за такой силой пришли сегодня люди?

Романсы сменяет танго. Своей нервностью и элегантностью оно рифмуется с серебряным веком. Вот три произведения Астора Пьяццолы, одно из них называется «Потерянные птицы». Алена говорит, что перевод не нужен – чувства понятны на любом языке.

Все это мечта, сон, которые мы потеряли,

*как мы потеряли птиц и море.
Сном это было коротким
и древним, как само время,
которое даже в зеркалах
не отражается.*

Идиллическая невозвратимость потери, сладость боли, смелость отчаяния. Не этих ли ощущений хотят пришедшие на концерт зрители? Зачем? Ведь не найдем мы свою потерянную птицу. Всколыхнуть горечь утраты, осевшую на дне души, разделить одиночество, обменяться им – иногда это означает обрести свободу. Простор, серо-голубой воздух, запахи моря наполняют полутемный зал в центре промозглой, сырой Москвы. Концерт кончится, и мы разлетимся по своим домам, по своим делам, немногие другие, чем были два часа назад. Может быть, с новым чувством жизни.

*И я всего лишь та самая
потерянная птица,
возвращающаяся издалека,
чтобы затеряться в небе,
которое я уже себе никогда
не верну...*

Юрий Заранкин

Таинственные миры Алены Резник

...Я вздрагиваю от холода...

Так начинается знаменитое стихотворение Осипа Мандельштама, поэта, быть может, самого талантливого в россыпи дарований Серебряного века русской литературы. Стихотворение удивительно музыкальное, с

«танцующими» рифмами строк. И когда слушаешь, как читает это стихотворение замечательная актриса и певица Алена Резник, кажется, что слушаешь музыку. То самое «музыкальное очарование», которое отмечал исследователь творчества поэта Максимилиан Волошин,

исполнительнице удастся передать в полной мере.

Премьера новой концертной программы Алены Резник «Потерянные птицы» состоялась в доме-музее Владимира Высоцкого на Таганке. Сегодня это уже не просто музей, но и концертный зал, который все чаще выбирают

артисты для своих выступлений. Алена Резник из тех, кто, выступив здесь однажды, стала его завсегдаем.

Стихотворение Мандельштама, цитатой из которого я начал свою статью – это стихотворение-быль. Мандельштам вздрагивал от холода той культурной пропаганды, что велась в стране. Вздрагивал от непонимания, от подозрения, от унижения. Он вздрагивал от холода и в лагерном пункте Вторая речка во Владивостоке, там, где суждено было безвременно оборваться его жизненному пути.

Стихотворение Мандельштама сложное, оно переливается гранями смыслов подобно драгоценному камню. И Алена Резник обрабатывает этот камень с мастерством опытного ювелира, и вместе с тем сохраняет искреннюю, почти что детскую непосредственность в общении с творчеством великого поэта.

А вслед за стихами Мандельштама в исполнении Алены Резник звучат стихи Федерико Гарсиа Лорки, тоже поэта трагической судьбы, запрещенного, заклеянного и такого же непонятого. Лорка – современник Мандельштама, и певица в своей концертной программе очень удачно подчеркивает эту параллель. Знаменитый романс Валерия Бикташева «Я твое повторяю имя» на слова Лорки звучит у певицы очень просто и в то же время прочувствованно. Написанный от лица мужчины текст певица окрашивает подлинно женской лаской и теплотой.

Еще одно сочинение Бикташева – «Попытка ревности» на стихи Марины Цветаевой – решено в лирико-героическом плане. Романс звучит как правдивый и волнующий рассказ о любви и о переживаниях, с нею связанных. В исполнении Алены Резник этот романс заставляет вспомнить великий вокальный цикл Роберта Шумана «Любовь и жизнь женщины» – здесь и общий тон повествования, и даже некоторые чисто музыкальные аллюзии...

А рядом с этой исповедью женской души совсем другое – «Глупое сердце» на слова Сергея Есенина. И уже совсем иные интонации, иной спектр чувств. Есенин в доме Высоцкого и звучит как-то по-особенному. А юмор Есенина, этот своеобразный смех сквозь слезы, очень родственен Высоцкому. Алена Резник здесь в полной мере демонстрирует еще один свой талант – талант драматической актрисы. Ее пение звучит как настоящий театральный монолог:

Алёна Резник

*Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.*

...А вот – еще один контраст: неожиданно и стремительно в программу врывается музыка Астора Пьяцоллы, «Великого Астора», автора знаменитого Либретанго. Музыка Пьяцоллы – это совершенно другой интонационный и ритмический мир, но в своем

концерте Алена Резник удивительным образом эти миры объединяет. За что, конечно же, получает овации от зрителей-слушателей.

Овации эти относятся, безусловно, не только к самой исполнительнице, но и к тем музыкантам, которые помогают ей в реализации этой уникальной концертной программы: уже знакомый нам пианист и композитор В. Бикташев, пианисты В. Шаблий, М. Спиринов, В. Багров, С. Решетов, гитаристы Д. Колтаков и А. Нагорняк, скрипачка А. Соршнева и виолончелистка Е. Жулева. Инструментальная составляющая концерта прекрасно оттеняет и сопровождает его основную часть – вокально-драматическую.

Алена Резник не просто исполняет программу, она играет, переживает, размышляет, и все это делает вместе с нами, зрителями. Перед нашими глазами правдиво разворачивается жизнь ее героев и героинь, таких непохожих друг на друга, и вместе с тем связанных единой линией повествования.

Интересно, что внешние средства воплощения своих творческих задач Алена Резник выбирает предельно простые – строгий костюм, тонкая игра света и тени на сцене – вот, собственно говоря, и все. Такой сознательный лаконизм и даже минимализм внешнего оформления дает понять зрителю: все самое интересное спрятано «внутри», а «местом действия» концерта-спектакля является некое-то внешнее пространство, а... человеческая душа.

Алена Резник приоткрывает в своих выступлениях те удивительные грани текстов и музыки разных авторов, которые, тесно сообщаясь друг с другом в рамках мастерски выстроенной программы, дают тот самый смысл, который можно почувствовать только в момент соприкосновения с настоящим творчеством, словами Мандельштама:

*Так вот она – настоящая
С таинственным миром связь!*

В поисках собеседника

*«Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец...»*

Афанасий Фет

О'Кей, Гугл!

Когда практически все действующие лица заняты «увеличением громкости» собственного «звучания», нам становится одиноко – и, приняв на веру принципиальное отсутствие собеседника, мы вступаем в «разговор» с гаджетами.

– О'Кей, Гугл! Что такое «произведение искусства»?

– Объект, обладающий эстетической ценностью; материальный продукт художественного творчества, сознательной деятельности человека.

Ничего себе. Ну, ладно, с различием «объект/субъект» лучшие из нас еще справятся. А вот разбираясь с «эстетической ценностью», «художественным творчеством» и «сознательной деятельностью», мы позабудем вопрос, с которого начали. Попробуем-ка зайти с другой стороны.

– Гугл! А что такое «попса»?

– Популярная, коммерчески успешная музыка, независимо от жанра и направления.

Очень странно. Или мы с вами ошибочно противопоставили попсу производству искусства, или сбой какой в интернете...

С подобными размышлениями я и отправлялся на один спектакль, в примечаниях к которому было написано «концерт».

Дело в боа и шляпе

На сцене «Дома Высоцкого на Таганке» с посвященной поэтам серебряного века программой «Потерянные птицы» выступала актриса и певица Алена Резник. Декорациями и реквизитом служили офисное вращающееся кресло с прилежшим на него перистым боа и типовой современный стул с покоящейся на нем шляпой.

Действие началось с того, что Актриса в строгом мужском костюме начала XX века задумчиво прошла по сцене, села на стул и прочитала стихотворение Игоря Северянина «Поэза странностей жизни». В воздухе повисло: «Как же жить?». «Как же жить? Когда возможно расставаться, / Когда возможно разлюбить?». Разлюбить? Но – кого?

«Да, выходит, пели мы задаром», – строчка из романа «Дорогой длиною» перебивает мой внутренний монолог, – «Если мы покончили со старым»... Так с чем покончили-то?

После «Шумного муарового платья» Игоря Северянина я обнаруживаю себя в «Бродячей собаке», описанной Георгием Ивановым в его «Петербургских зимах»: в ресторанчике, «ставшем штаб-квартирой всей петербургской богемы, где сиделись, кто как хочет, в буфет за едой и вином ходили сами, сами расставляли тарелки, где заблагорассудится»... Звучит музыка, аплодисменты, щелканье пробок, звон стаканов... Кажется, что если обернуться, увидишь «прихлебывающую черный кофе и курящую тонкую папиросу Анну Ахматову», которая выводит в чем-то памятном альбоме заметку о вечере: «На стенах цветы и птицы / Томятся по облакам». А где-то за ней, наверное, Осип Мандельштам, давясь от смеха, читает кому-то четверостишие, только что им сочиненное: «Не унывай, / Садись в трамвай, / Такой пустой, / Такой восьмой...». А если очень повезет, то сейчас зайвится «северный красавец с прелестно вьющимися волосами, в поэтической бархатной куртке с мягким расстегнутым воротником белой рубашки – Александр Блок, и некрасивый, подтянутый, "разноглазый", коротко подстриженный, в чопорном сюртуке, Николай Гумилев»...

И для всех нас сегодня выступает Алена Резник, вспоминающая Марину Цветаеву: «На пристани – цилиндр и мех, / Хотелось бы: поэт, актриса»... Эх. Еще как хотелось бы! Певица подходит к задней белой стене и отчаянно бьет ее рукой, которую только что, согласно стихотворению, держала «заложив в кармане». Больно. По-настоящему. Алена Резник встряхивает кисть и на мгновение позволяет лицу исказиться, но, поборов все лишнее, продолжает. «Я вздрагиваю от холода – / Мне хочется онеметь! / А в небе танцует золото – / Приказывает мне петь», – Осип Мандельштам перекликается со словами, адресованными Ямщику, которого, без надежды на ответ, Актриса просит не «гнать лошадей», потому что спешить некуда – на голой сцене тесно. В «Бродячей собаке» тесно.

Сегодня мы еще перенесемся на побережье океана и в бары Пикадилли, для нас еще прозвучат романсы на стихи Георгия Иванова, Сергея Есенина, Федерико Гарсиа Лорки, нам еще явятся несколько танго Астора Пьяццоллы. Алена Резник еще отвернется к стене, чтобы не напоказ смахнуть реальную слезу...

Но один Цветаевский вопрос уже никак не выкинуть из головы: «Как живется вам с другою?» Прелесть, а не вопрос. После него перистое боа вылетает за кулисы, потому что «С пошлой бессмертной пошлости / Как справляетесь, бедняк?», потому что название «боа» переводится с латыни как змея-душитель, удав, потому что боа – вульгарно и пошло. Потому что его перья – это настоящее некогда «потерянных птиц»... Потому что вопрос не про любовницу, а про музыку, поэзию, традицию, искусство...

Потому что «романс» – заимствованный жанр – своей интонацией

Алёна Резник

походит на русский «плач». И плач Алены Резник – это продолжение плача Марины Цветаевой, бесконечно влюбленной в Пушкина, в оригинале знавшего «Слово о полку Игореве» и мечтавшего сделать свое переложение древнерусского эпоса... Каким бы у него вышел «Плач Ярославны»? Тот самый плач, что повернул, казалось бы, безвыходный сюжет...

Вот оно! Пусть мы пока не можем сказать точно, что есть «произведение искусства», а что есть «попса», но знать, что они – не одно и то же, пытаться отличать одно от другого – нам необходимо. По крайней мере, тем, кто не путает понятия «объект» и «субъект».

Может быть, первое выделяется тем, что опирается на традицию, продолжает ее, и именно поэтому оно в состоянии усиливать бой сердец, перебрасывать нас в другие миры? Может быть, только попав в какой-то ряд и сравнив себя с его представителями, человек способен пробудить в своей природе то,

что Гумилев называл «рождением шестого чувства»? Может быть, это соотношение и есть «шестикрылый серафим», дарующий способность «глаголом жечь сердца людей»? Кому как не поэтам серебряного века – со всеми их «измами» – этого не знать? Они находили вдохновение в стихах Евгения Баратынского, Федора Тютчева, Афанасия Фета... И где же затерялись-то все акмеисты, символисты, футуристы, имажинисты? Не в наших ли непрерывных

волю погибшего. Я вправе был сделать это. Я не распечатал чужого письма. Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат.

*Мой дар убог, и голос мой
не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок*

*В моих стихах; как знать?
душа моя*

*Окажется с душой его
в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я»*

И если Мандельштам, читая стихотворение Баратынского, испытывал чувство, как «если бы в его руки попала такая бутылка», то чем мы хуже? И Алена Резник доказывает нам это своей способностью «шепнуть о том, пред чем язык немеет...»

заказах второго?

Письмо в бутылке

В поисках ответа натыкаюсь на эссе Осипа Мандельштама «О собеседнике», в котором двадцатидвухлетний поэт пишет:

«Мореплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы. Спустя долгие годы, скитаясь по дюнам, я нахожу ее в песке, прочитываю письмо, узнаю дату события, последнюю

Алёна Резник